

Катерина Файн

Двари

пьеса в двух действиях

Санкт-Петербург, 2006

Действующие лица:

КАРП СЕМЕНЫЧ – жилец квартиры № 1. Инженер-пенсионер. Мастер по вскрытию дверей. Любит все красивое, яркое. Выполняет несложную работу на дому – клеит конверты

БУБЛЯ – жилец квартиры № 2. Свободный художник. Только что купил квартиру на деньги, выигранные в рулетку. Состоит в переписке с Таней Гулитани – женой владельца казино

ТАНЯ – молодая симпатичная девушка, работает почтальоном. Носит письма жильцу из второй квартиры и заготовки для конвертов жильцу из первой. В прошлом – жена владельца казино

Первое действие

Занавес открывается, и мы видим лестничную площадку старого дома. Грязные стены выкрашены наполовину в синий. В углу ведро, заваленное мусором, и швабра – немое свидетельство редкого присутствия уборщицы. Надписи типа «Г. + Б.», недвусмысленные рисунки, сорванные почтовые ящики и т.д. В глубине сцены две квартиры – одна над другой – № 1 и № 2 соответственно. Первая дверь напоминает конверт или бумажного змея – диагональные палки на бледно-голубом фоне выглядят романтично, но слегка аляповато. Квартира на втором этаже явно богаче. Входная витражная дверь изготовлена в стиле французской готики, покрыта лаком, позолоченная ручка блестит на солнце. Кроме того, в подъезде имеется лифт – декорированная грузоподъемная машина для работы в супермаркетах. Лестница на второй этаж может быть винтовой. Впрочем, это неважно. Звучит музыка. Появляется Бубля. На нем дорогой костюм, галстук и модная шляпа. В руках – чемодан.

Б у б л я (осматривая лестничную площадку). Да... Хороший домик... Ну, что ж, могло быть гораздо хуже! Могло быть совсем плохо! Тем более, что плохо бывало, и, в принципе, есть с чем сравнить... Например, могло не быть света. Или перил. Или пол. Ведь он мог совсем провалиться, а так – ничего, держится. (пауза). А стены... Их запросто могли покрасить в желтый! А желтого я вообще не выношу. Нет, пожалуй, мне нравится. Полнейшая цивилизация! О, даже лифт есть! (подходит, хочет открыть дверь – лифт не работает). Ну, ничего-ничего. Обойдемся... Главное, что имеется лестница. (поднимается на второй этаж, напевает, пытается открыть дверь, она не поддается). Что за ерунда! Хрень какая! (пауза). Ключи не те, что ли? (роется в карманах, достает еще одни ключи, пробует открыть, но безуспешно). Ничего себе, денек начинается! Ну, вот что делать?! (спускается вниз, стучит в дверь соседа). Эй, есть кто? (подождав полминуты, поднимается к себе).

В это время дверь на первом этаже открывается, из нее высовывается взъерошенная голова Карпа Семеныча.

К а р п С е м е н ы ч. Ну, что опять за шум? Каждый день, каждый день!

Б у б л я. Простите! Я не хотел. Тут дверь... Мне не открыть...

К а р п С е м е н ы ч. Ах, дверь! Вы застряли?

Б у б л я. Нет, я как раз не застрял. Мне не войти внутрь.

К а р п С е м е н ы ч. Не расстраивайтесь!

Б у б л я. Как же мне не расстраиваться? Теперь придется ломать! А мне бы не хотелось. Я только вчера купил, понимаете?!

К а р п С е м е н ы ч. Купили?!

Б у б л я. Да. Квартиру. Вместе с дверью.

К а р п С е м е н ы ч. С дверью?

Б у б л я. Естественно! А вы покупали без дверей?

К а р п С е м е н ы ч. Я? Я вообще ничего не покупал. Я здесь живу. Много лет. Я здесь родился. В ванной. Моя мама рожала меня в воде. С тех пор я очень боюсь воды. А вы?

Б у б л я. Я ничего не боюсь.

К а р п С е м е н ы ч. И вас ничего не смущает?

Б у б л я. Ничего. За исключением того, что я не могу попасть к себе в дом. У вас есть телефон?

К а р п С е м е н ы ч. А как вы думаете?

Б у б л я. Думаю, нет...

К а р п С е м е н ы ч. Правильно! Он мне не нужен.

Б у б л я. А мне – нужен!

К а р п С е м е н ы ч. Только не говорите, что, покупая квартиру, вы истратили все, и теперь вам не хватает даже на мобильный, бывший в употреблении!

Б у б л я. Мобильный у меня есть, но он там, внутри! (*показывает на дверь*).

К а р п С е м е н ы ч. Понимаю...

Б у б л я. Ничего вы не понимаете! (*пауза*). Ну, посоветуйте хоть что-нибудь!

К а р п С е м е н ы ч (*загадочно*). Ну, я не знаю...

Б у б л я. Есть здесь кто-нибудь, кроме нас?

К а р п С е м е н ы ч. Нет.

Б у б л я. О, Господи! Сумасшедший дом! Неужели придется идти в МЧС?

К а р п С е м е н ы ч. Ну, зачем сразу в МЧС?

Б у б л я. А куда? Мне даже пожарных не вызывать!

К а р п С е м е н ы ч. Я (*пауза*) мог бы помочь.

Б у б л я. Вы?!

К а р п С е м е н ы ч. А что, не верите?

Б у б л я. Не то, чтобы не верю...

К а р п С е м е н ы ч. Сомневаетесь. Вижу, вижу.

Б у б л я. Да не сомневаюсь я! Помогайте уже!

К а р п С е м е н ы ч. А вы мешать не будите?

Б у б л я (*в крайнем недоумении*). Я?!

К а р п С е м е н ы ч (*поднимаясь на второй этаж*). Да ладно. Шучу я. Это притча такая.

Б у б л я. Притча?

К а р п С е м е н ы ч. Восточная. (*говорит с грузинским акцентом*). Хочешь помочь новичку – работай вместе с ним, хочешь помочь старику – работай вместо него, хочешь помочь мастеру – не мешай, хочешь помочь дураку – сам дурак.

Б у б л я. Что вы имеете в виду?

К а р п С е м е н ы ч (*достает из кармана ключи, открывает дверь*). Ничего не имею в виду. Прошу!

Б у б л я. Спасибо! Большое спасибо! Как это ловко у вас получилось...

К а р п С е м е н ы ч. Многолетняя тренировка.

Б у б л я. Как?!

К а р п С е м е н ы ч. Да вы не бойтесь, я не домушник. Я инженер. Ах, да! Мы ведь не познакомились... Карп Семеныч. Конструктор. Временно на пенсии.

Б у б л я. Очень приятно. Бубля.

К а р п С е м е н ы ч (*закуривая*). Скажите, Бубля, вам эта дверь очень нужна?

Б у б л я. В каком смысле?

К а р п С е м е н ы ч. В прямом.

Б у б л я. Ну, разумеется! Как же без дверей?! Там же у меня вещи и вообще...

К а р п С е м е н ы ч. Нет, вы не поняли. Я ведь дверь вашу не насовсем прошу.

Б у б л я. Просите?!

К а р п С е м е н ы ч. Ну, да. Так, на время. Что называется – поносить. Как платье. Знаете, некоторые люди меняются иногда одеждой, вещами... Ну, вот, к примеру, если бы я у вас уютг попросил. На время, попользоваться. Вы бы удивились?

Б у б л я. Не знаю... Нет, наверное...

К а р п С е м е н ы ч. Ну, вот. Считайте, что я беру у вас уютг.

Б у б л я. Нет, но это как-то неожиданно так... Я не готов. Зайдите на недельке... Я подумаю.

К а р п С е м е н ы ч. На недельке я буду занят.

Б у б л я. Чем?

К а р п С е м е н ы ч. Буду клеить конверты.

Б у б л я. Какие конверты?

К а р п С е м е н ы ч. Обыкновенные. Стандартные. Госкомсвязи России.

Б у б л я. Вы клеите конверты?

К а р п С е м е н ы ч (*гордо*). Да!

Б у б л я. Так у вас, наверно, и готовая продукция имеется?

К а р п С е м е н ы ч. А как же! (*достает из кармана несколько готовых конвертов*).

Б у б л я. А можно купить?

К а р п С е м е н ы ч. Что?

Б у б л я (*тянется за конвертом*). Конверт. Один. Мне письмо отправить...

К а р п С е м е н ы ч. Конверты не продаются!

Б у б л я. Как?

К а р п С е м е н ы ч. Так! Подотчетное производство.

Б у б л я. Но я заплачу наличными! *(роется в карманах, вскакивает, бежит к себе, возвращается)*. Вот. Пятьдесят рублей. Сдачи не надо. Я думаю, этого вполне хватит!

К а р п С е м е н ы ч. Успокойтесь! Почта – рядом. Полчаса ходьбы.

Б у б л я. Это вы называете рядом?!

К а р п С е м е н ы ч. А что такого?

Б у б л я. Но мне нужно сейчас, понимаете! А, кроме того, сегодня воскресенье! Сегодня почта закрыта!

К а р п С е м е н ы ч. Не понимаю. К чему такая спешка? Вы пишете министру?

Б у б л я. Послушайте! Ведь у вас есть эти конверты. Ну, продайте один, жалко вам?

К а р п С е м е н ы ч. Я не продаю!

Б у б л я *(тяжело вздыхая)*. О!

К а р п С е м е н ы ч. Я меняю.

Б у б л я. На что?

К а р п С е м е н ы ч. На дверь. На вашу дверь!

Б у б л я. И как долго моя дверь будет вашей?

К а р п С е м е н ы ч. Не знаю... Месяц, два...

Б у б л я. Тогда весь этот месяц-два я буду брать у вас конверты!

К а р п С е м е н ы ч. Пожалуйста. Берите! *(протягивает конверт)*.

Звучит музыка. Бубля и Карп Семеныч одновременно поднимаются, снимают дверь, аккуратно несут ее на первый этаж и водружают на место старой двери Карпа Семеныча.

Б у б л я. Пойдите! А как же я? Мне тоже нужна дверь!

К а р п С е м е н ы ч. Зачем она вам? У вас в квартире пусто. Брать нечего!

Б у б л я. Хорошенькое дело! Оставили меня голым, можно сказать.

К а р п С е м е н ы ч. Слушайте, ну зачем вам дверь? Вы и открывать-то ее не умеете! Повесьте занавеску!

Б у б л я. Да, альтруизмом вы не отличаетесь... Давайте вашу дверь!

К а р п С е м е н ы ч. Да ради Бога! Забирайте. Она легкая.

Б у б л я *(берет дверь под мышку, уносит)*. Вы эгоист! Только о себе думаете! А если шпионы, или дети? Знаете, как я их боюсь?

К а р п С е м е н ы ч. Кого? Шпионов?

Б у б л я. И шпионов тоже.

К а р п С е м е н ы ч. Ну, не знаю... У меня их трое, и я не боюсь. Хотя, в одном вы, бесспорно, правы: это абсолютные шпионы. Иногда мне кажется, что жена заводила детей только для того, чтобы они подглядывали за мной. Подглядывали, а потом докладывали.

Б у б л я *(устанавливая дверь)*. У меня детей нет. Зато есть брат и сестра. Оба пяти с половиной лет. Двойняшки. Когда они начинают шалить, я привязываю их к батарее ремнем. Спокойной ночи! *(уходит)*.

К а р п С е м е н ы ч. Счастливо!

Звучит музыка. Карп Семеныч начинает перетаскивать вещи из квартиры на лестничную площадку. Постепенно пространство заполняется домашней утварью: стол, раскладушка, ширма, пальма в горшке, радиоприемник, кресло-качалка, напольная ваза и т.п. Устроившись, он засыпает. Свет гаснет. Слышен шум поднимающегося лифта. Свет зажигается, на втором этаже появляется Таня. На ней сарафан, сверху накинут прозрачный дождевик, на плече огромная сумка.

Т а н я (*нажимая кнопку звонка*). Это почта. Откройте, пожалуйста! Вам письмо заказное.

Б у б л я (*из-за двери*). Сейчас, сейчас! Ключ куда-то подевался...

Т а н я. Ничего, ничего! Я подожду.

Б у б л я. Опять та же хрень! Карп Семеныч! Карп Семеныч! Ну, где же вы?!

Т а н я. Что-то случилось?

Б у б л я. Мне дверь не открыть! Девушка, будьте добры, позовите соседа! Он не дал мне ключ! Дверь дал, а ключ – нет!

Т а н я. Хорошо, хорошо, не волнуйтесь!

Таня спускается вниз, толкает Карпа Семеныча в бок.

Т а н я. Простите! Вас там спрашивают. Ваш сосед, ему дверь не открыть!

К а р п С е м е н ы ч. Господи, ни днем, ни ночью покоя нет!

Т а н я. Вы можете?

К а р п С е м е н ы ч. Я уже помог (*пауза*) один раз. Вчера (*вздыхает*). Говорил я этому шиззику – повесь занавеску. А он что?

Т а н я. Что он?

К а р п С е м е н ы ч. Дверь повесил. Между прочим, мою!

Т а н я. Как вашу?!

К а р п С е м е н ы ч. Да так!

Т а н я. То есть, вы хотите сказать, что там, у него дверь ваша?

К а р п С е м е н ы ч. Ну, да!

Т а н я. А здесь?

К а р п С е м е н ы ч. А здесь – его! Послушайте, а что вы все спрашиваете, спрашиваете?! Вы что, из милиции?

Т а н я. Нет. Я с почты.

К а р п С е м е н ы ч. Ах, с почты!

Т а н я. Да. И у меня письмо. В квартиру номер один.

К а р п С е м е н ы ч. Постойте, так ведь это моя квартира!

Т а н я. Не знаю, не знаю... На вашей номер два нарисовано.

К а р п С е м е н ы ч. Мало ли, что там нарисовано! Давайте письмо!

Т а н я. Извините, я не могу.

К а р п С е м е н ы ч. Почему это?

Т а н я. Тот, другой, ну, который из бывшей квартиры номер два, должен подтвердить, что письмо не ему.

К а р п С е м е н ы ч. Слушай, у вас там все такие принципиальные, да?

Т а н я. Нет, я одна. Я вообще такая одна! Потому что я – новенькая.

К а р п С е м е н ы ч. А, ну, тогда ясно! Значит, письмо не отдашь?

Т а н я. Нет.

К а р п С е м е н ы ч. А там фамилия моя! Имя и отчество!

Т а н я. А это не важно! Главное – адрес!

К а р п С е м е н ы ч. Какая ты вредная! Ладно, пошли!

Карп Семеныч и Таня поднимаются на второй этаж, Карп Семеныч открывает дверь.

Б у б л я. Наконец-то! Ключ дайте!

К а р п С е м е н ы ч. Пожалуйста! *(отдает ключ)*.

Т а н я. Здравьете!

Б у б л я *(Тане)*. Здравьете! Ну, и...

К а р п С е м е н ы ч. Бубля, вы можете подтвердить мою личность?

Б у б л я. Вашу сомнительную личность?

К а р п С е м е н ы ч. Мою гениальную личность! Второй раз, можно сказать, спасаю вам жизнь!

Б у б л я. А зачем? Зачем подтверждать?

К а р п С е м е н ы ч *(приобняв Бублю)*. Видите ли, эта девушка с почты перепутала наши двери. И теперь мое письмо хочет отдать вам.

Б у б л я. Ах, вот в чем дело! Пожалуйста! *(Тане)*. Этого товарища зовут Карп Семеныч. Вчера вечером мы обменялись дверьми. Вероятно, поэтому сегодня утром его письмо вы принесли мне.

Т а н я. Я ничего не понимаю... Кто из вас живет в квартире номер один?

К а р п С е м е н ы ч и Б у б л я *(хором)*. Конечно, я!

Т а н я. Значит, так! Письмо я вам не отдам. До тех пор, пока не выясню, кому оно адресовано.

Б у б л я. Да ради Бога! Я заказное не жду. Я вообще только вчера переехал, и адреса никому не давал. А вы, правда, с почты? Может, тогда в знак примирения и того, что я не претендую на ваше письмо, отнесете мое? *(достает из кармана запечатанный конверт)*.

Т а н я. А сами не можете? Ладно, отнесу, давайте. *(берет конверт, читает в недоумении)*. А вы адрес правильно написали? Ничего не перепутали?

Б у б л я. Абсолютно правильно!

Т а н я. Но это же...

Б у б л я. Что?

Т а н я. А кому это письмо?

Б у б л я. Ну, как – кому? Вот же: Остоженка три, квартира пять.

Т а н я. Но это же...

Б у б л я. Послушайте, девушка, чем вы все время недовольны? Адрес есть – есть. Ну, не знаю я имени, не знаю! Что теперь? Не дойдет?

Т а н я. Дойдет. Только вот марки нет! С вас десять рублей за марку и десять за доставку.

Б у б л я *(достает деньги)*. Как понять – за доставку?

Т а н я. А я в том же доме живу.

Б у б л я. Зачем же тогда марка?

Т а н я. А мне так нравится! С маркой веселее.

К а р п С е м е н ы ч. Простите, глубокоуважаемая! Кстати, как вас зовут?

Т а н я. Таня.

К а р п С е м е н ы ч. Таня... Так вот. Я состою на службе. Клею конверты. Раньше заготовки носила (*лезет в карман, извлекает бумажку*) Друговойко-Должанская такая...

Т а н я. Да. Теперь я. Вы – мой участок. (*достает заготовки, протягивает Карп Семенычу*).

К а р п С е м е н ы ч. Вот спасибо! А готовые заберете?

Т а н я. Заберу, если они готовы.

К а р п С е м е н ы ч. Я мигом! (*убегает к себе*).

Б у б л я. Не обижайтесь, Таня, но я, правда, не знаю имени моего адресата. Может, обойдется?

Т а н я. Конечно, обойдется. (*пауза*). Кстати, об именах. У вас-то оно, почему такое?

Б у б л я. Какое?

Т а н я. Невнятное.

Б у б л я. Вообще-то меня зовут Марлен. Как Хуциева. Помните, кино такое было – «Застава Ильича» называлось?

Т а н я. Нет, не помню.

Б у б л я. Напрасно...

Т а н я. Я исправлюсь. Сегодня же возьму в прокате. Только причем здесь Бубля?

Б у б л я. Это фамилия.

Т а н я. А мне кажется, это не фамилия... Даже не кличка.

Б у б л я. Может и так.

Т а н я. Образ жизни. Да?

Б у б л я. А вы разбираетесь в образах жизни?

Т а н я. Еще бы! Я почти профессор.

Б у б л я. Неужели?

Т а н я. Ага... Могу читать лекции.

Б у б л я. И какой же, по-вашему, у меня образ жизни?

Т а н я. М-м-м... Созерцательный.

Б у б л я. Интересно... А у вас?

Т а н я. А у меня – модерн.

Б у б л я. Надо же! Любите все новое?

Т а н я. Очень люблю.

Б у б л я. А у меня вот дверь новая...

Т а н я. Да уж, вижу... Вы затейник. И квартира у вас странная.

Б у б л я. Квартира? Я пока не знаю. Только вчера переехал.

Т а н я. А раньше где жили?

Б у б л я. Да, так... У друзей, у знакомых... (*пауза*). Вы не могли бы сегодня письмо доставить?

Т а н я. Что-то срочное?

Б у б л я. Этот человек должен знать, что я здесь живу. Напротив, понимаете?

Т а н я. Нет, я ничего не понимаю, но письмо отнесу. Обещаю.

Б у б л я. Большое спасибо!

Карп Семеныч вбегает по лестнице. В руках пачка готовых конвертов.

К а р п С е м е н ы ч (*запыхавшись*). Вот, вот, пожалуйста! (*протягивает Тане*).
Здесь ровно сто штук.

Т а н я (*забирает конверты, выписывает квитанцию*). Завтра с десяти до семи получите деньги.

К а р п С е м е н ы ч. Вот спасибо! Очень, очень кстати! А пересчитывать не станете?

Т а н я. А вы меня обманываете?

К а р п С е м е н ы ч. Нет, что вы, что вы!

Т а н я. Я вам верю.

К а р п С е м е н ы ч (*подобрев*). Может, чайку?

Т а н я. Я на работе.

К а р п С е м е н ы ч. А мы быстро!

Т а н я. Ну, разве что быстро.

К а р п С е м е н ы ч. А вы, Бубля, хотите чаю?

Б у б л я. Благодарю. Мне пора идти.

К а р п С е м е н ы ч. Ну, как знаете...

Бубля уходит к себе. Карп Семеныч и Таня спускаются по лестнице вниз. Карп Семеныч начинает хлопотать – достает чашки, варенье, печенье, ставит чайник.

Т а н я (*оглядывая лестницу*). Вы что, здесь живете, да?

К а р п С е м е н ы ч. Да. А что?

Т а н я. Ничего. Вам не холодно? Все-таки лестница...

К а р п С е м е н ы ч. Нет, не холодно.

Т а н я. У вас проблемы с жильем? Вас выгнали родственники?

К а р п С е м е н ы ч (*разливая чай*). С чего вы взяли? Я живу здесь абсолютно добровольно. У меня и родственников-то нет!

Т а н я. Ну, почему на лестнице?!

К а р п С е м е н ы ч. Какая вы, ей-богу! А, впрочем, вашему поколению это свойственно – никакой романтики! Сплошной прагматизм. Вы дверь видели?

Т а н я. Дверь?!

К а р п С е м е н ы ч. Ну, да. Вот же она!

На минуту свет гаснет. Звучит средневековая музыка. Дверь освещается одним прожектором. Потом свет зажигается.

Т а н я. Но причём здесь дверь?

К а р п С е м е н ы ч. Ну, как вы не понимаете?! Это шедевр! Французская готика! Витраж! Второй такой нет, уверяю вас. Музейный экспонат.

Т а н я. А с другой стороны?

К а р п С е м е н ы ч. В том-то и дело, что с другой стороны она не столь привлекательна. Поэтому, дабы всегда наслаждаться видами, я переселился сюда. А что? Заодно и приберу потихоньку, видите – мусор. Нехорошо.

Т а н я. Послушайте, а не проще ли дверь в другую сторону повесить? Ну, чтобы со стороны лестницы она обычной была, а там, у вас – французская готика?

К а р п С е м е н ы ч. Что вы, что вы, ни в коем случае! Это ведь целая история: петли переделывать, сверлить, да и непривычно так! Я ведь левша! Мне надо, чтобы дверь влево открывалась. А вы вправо хотите!

Т а н я. Да не горячитесь вы, это всего лишь предложение. Не хотите – не надо.

К а р п С е м е н ы ч (*после паузы*). А у вас, если не секрет, какая дверь?

Т а н я. У меня обычная, почтовая.

К а р п С е м е н ы ч. Как это? Принесли с почты?

Т а н я. Скорее, наоборот. Я сама к ней пришла. К двери, то есть.

К а р п С е м е н ы ч. А до этого где были?

Т а н я. А до этого я была замужем.

К а р п С е м е н ы ч. Не совпали интересы?

Т а н я. Представьте себе. Полная несовместимость!

К а р п С е м е н ы ч. А кто муж?

Т а н я. Маньяк.

К а р п С е м е н ы ч. Шутите?

Т а н я. Нет. Денежный маньяк. Владелец казино.

К а р п С е м е н ы ч. А вы? Девушка с двумя высшими образованиями?

Т а н я. Нет. Вовсе нет. Я закончила швейное училище. Работала в ателье. А казино шило у нас форму... Банально, правда?

К а р п С е м е н ы ч. Да уж... И долго вы шили-жили?

Т а н я. Один год и одиннадцать месяцев.

К а р п С е м е н ы ч. Даже не знаю – много это, или мало?

Т а н я. Кому – как. А вообще, достаточно. Можно двоих детей завести.

К а р п С е м е н ы ч. А теперь?

Т а н я. Теперь я на почте.

К а р п С е м е н ы ч. А муж?

Т а н я. Муж дома. Наверное... Полагаю, именно из ваших окон видна моя бывшая кровать.

К а р п С е м е н ы ч. Вы живете напротив?

Т а н я. Жила.

К а р п С е м е н ы ч. А сейчас?

Т а н я. На почте, я же сказала.

К а р п С е м е н ы ч. Но... как можно жить на почте? Вы же не бандероль!

Т а н я. А бандероль и не живет на почте. Рано или поздно ее забирают. Потому что очень ждут. А меня никто не ждет.

К а р п С е м е н ы ч. А где же вы спите?

Т а н я. На раскладушке.

В это время с лестницы спускается Бублия.

Б у б л я. О, Танечка, вы еще не ушли! Будьте добры, отнесите еще одно письмо. *(протягивает конверт)*. Вот... *(достает деньги)* десять рублей за марку и десять за доставку. Я помню.

Т а н я. Уберите деньги. Вторая упаковка – в подарок.

Б у б л я. О, вы такая чуткая! *(целует руку)*. Спасибо! *(уходит)*.

К а р п С е м е н ы ч. Вы не находите, что он не в себе?

Т а н я. Я не знаю... Простите, Карп Семеныч, мне тоже пора. Смена кончается, а у меня еще целый квартал. Благодарю за чай.

К а р п С е м е н ы ч. Конечно, конечно. Ты заходи, ладно?

Т а н я. Обязательно.

Таня уходит. Карп Семеныч собирает чашки на поднос, уносит в квартиру. Голос Бубли за кадром.

Г о л о с. Выйдешь в ночь – заблудиться несложно,

потому что на улице снежно,

потому что за окнами вьюжно.

Я люблю тебя больше, чем можно,

я люблю тебя больше, чем нежно,

я люблю тебя больше, чем нужно.

Так люблю – и сгораю бездымно,

без печали, без горького слова.

Не надеясь, что это взаимно,

что само по себе и не ново.*

Появляется Таня. Она поднимается на второй этаж, засовывает конверт под дверь. Через минуту выходит Бублия. Спускается, стучит в дверь Карпа Семеныча, перечитывая на ходу письмо.

Б у б л я *(громко)*. Карп Семеныч, Карп Семеныч!

К а р п С е м е н ы ч *(приоткрыв дверь)*. Бублия, милый, что вы все время так кричите?

Б у б л я. Она ответила, представляете, ответила!

К а р п С е м е н ы ч. Кто – она?

Б у б л я. Господи, девушка, Таня, представляете, она тоже – Таня, как наша Таня!

К а р п С е м е н ы ч. Какая Таня?

Б у б л я. Ну, я же говорил, Карп Семеныч! Какой вы невнимательный! Я познакомился с девушкой, Таней. Двадцать второго декабря. У меня был день рождения. И я играл в рулетку. Первый раз в жизни играл – и выиграл, представляете?! А потом увидел ее. А она оказалась женой владельца казино.

К а р п С е м е н ы ч. И что?

Б у б л я. Ничего. Узнал, где живет, и на деньги, что мне полагались, купил квартиру напротив. И теперь мои окна глядят в ее спальню, я извиняюсь...

К а р п С е м е н ы ч. Да? А девушку Таня зовут?

Б у б л я. Таня и никак иначе! Тогда спросить неудобно было. Адрес-то я сразу узнал, этот мужик, муж ее... *(смотрит на конверт)* Гулитани – известная личность.

К а р п С е м е н ы ч. Бандит, что ли?

Б у б л я. Да нет, не похож... Бизнесмен.

К а р п С е м е н ы ч. Что ж, Таня Гулитани. Поздравляю вас, Бубля. Хорошая девушка. А что же она написала?

Б у б л я. Это стихи. Но я не могу вслух, извините...

К а р п С е м е н ы ч. Понимаю...

Карп Семеныч исчезает в дверях. Бубля поднимается к себе, напевает: «Ах, Таня, Таня, Танечка...». Появляется Таня.

Б у б л я *(увидав ее, радостно)*. Танюша! Какая вы умница! Вы сделали меня абсолютно счастливым!

Т а н я. В каком смысле?

Б у б л я *(подбегает, хватая ее на руки, кружит)*. Я самый счастливый человек! Мне ответили, от-ве-ти-ли! А письмо принесли вы! Вы сунули его под дверь!

Т а н я. Да, я застежка в цепочке. Заслужила аплодисменты.

Б у б л я. Вы – свет в окошке!

Т а н я. Я – стул на одной ножке...

Б у б л я. Танечка, вы такая красивая, у вас все еще будет. Не печальтесь!

Т а н я. А с чего вы взяли, что я в печали? Я в порядке!

Б у б л я. Вы грустная.

Т а н я. Просто устала.

За спиной Бубли Карп Семеныч жестами показывает Тане, чтобы она зашла.

Т а н я *(Бубле)*. Простите, Бубля, я пойду.

Б у б л я. Да, да... Приходите чаще!

Бубля уходит. Дождавшись, когда дверь захлопнется, Карп Семеныч начинает суетиться с чаем.

Т а н я. Зачем вы меня позвали, Карп Семеныч?

К а р п С е м е н ы ч. Ну, как же – чай! Да какой! С витаминами! Чистая брусника! Это же лист, а не ароматизаторы всякие! Очень полезная вещь, очень! И от сердца, и от горла, и от давления...

Т а н я. А от давления начальства не помогает?

К а р п С е м е н ы ч. А что, заедают?

Т а н я (*садится*). Да, как сказать...

К а р п С е м е н ы ч. Что-то не получается?

Т а н я. Жить не получается. А так – хорошо все.

К а р п С е м е н ы ч (*доверительно*). Танюша, у меня к тебе предложение.

Т а н я. Надеюсь, деловое?

К а р п С е м е н ы ч. Делавее некуда! Мне нужен костюм. Сшить можешь?

Т а н я. А зачем вам шить? Купите готовый, в магазине.

К а р п С е м е н ы ч. В магазине я не хочу. В магазине – ширпотреб. А у меня фигура нестандартная. Впрочем, как и душа...

Т а н я. Я бы, Карп Семеныч, душе вашей с удовольствием помогла, но у меня машинки нет.

К а р п С е м е н ы ч. А, не страшно. Машинка у меня есть. И вот еще: живи-ка ты здесь.

Т а н я. Как это, здесь?!

К а р п С е м е н ы ч. А так!

Т а н я. За ширмой, что ли?

К а р п С е м е н ы ч. Зачем за ширмой? В квартире. Я-то на лестнице. А ты – в доме. Будешь на окна свои глядеть...

Т а н я. Ну, да, конечно, ради окон...

К а р п С е м е н ы ч. Так ведь на почте неудобно! Люди, посылки... Все толкуются, почем зря. Даже если смена вторая – все равно ж ни свет, ни заря подымут. И вообще, дурацкая привычка – жить на рабочем месте!

Т а н я. А вы?

К а р п С е м е н ы ч. А я, моя дорогая, на пенсии давно! Да, а за костюм я заплачу, ты не думай.

Т а н я. Хорошо, я сошью вам костюм. Но денег не возьму.

К а р п С е м е н ы ч. Ну, как знаешь... Настаивать не буду.

Т а н я. А вы что ж, совсем один живете?

К а р п С е м е н ы ч. Один, моя радость, один. Дети выросли, жена бросила...

Т а н я. Так, может, вам уход нужен? В смысле сиделка? Так я не гожусь...

К а р п С е м е н ы ч. Ишь ты, чего придумала! Сиделка! Лежалка! Ничего мне не надо, глупая. Помочь хочу. А ты – мне, вот и все!

Т а н я. Не шутите, Карп Семеныч?

К а р п С е м е н ы ч. Ну, ты чудная, честное слово!

Т а н я. О'кей! Тогда показывайте мои апартаменты. Кухня, душ есть? И что у вас там, Зингер?

К а р п С е м е н ы ч. Зингер, матушка, Зингер! Да какой – дореволюционный! Сейчас, сейчас, приберу маленько... (*скрывается за дверью*).

Появляется Бубля. В руках письмо.

Б у б л я. Танечка! Вы еще на работе?

Т а н я. Разумеется!

Б у б л я (*протягивает конверт*). Тогда, быть может...

Т а н я. Давайте! А вообще, советую переходить на телеграммы.

Б у б л я. Так ведь в телеграмме всего не напишешь...

Т а н я (*резко*). Краткость – сестра таланта.

Б у б л я. Вы сердитесь?

Т а н я. На что?

Б у б л я. Заставляю вас напрягаться...

Т а н я. Не волнуйтесь, это не самое большое напряжение.

Б у б л я. Мне кажется, вы чем-то расстроены. И я даже догадываюсь, чем.

Т а н я. Интересно...

Б у б л я. Вы обидитесь.

Т а н я. Ни за что!

Б у б л я. Мне кажется, почтальон – это сапожник без сапог. Каждый день вы носите письма другим, а вам, наверное, никто не пишет... Простите...

Т а н я. Полковнику никто не пишет? Ошибаетесь, милейший. Мне пишут каждый день. Есть один человек, весьма преуспевающий в эпистолярном жанре.

Б у б л я. Рад, что ошибся. Вы, Танечка, зла не держите. Я ведь не оттого, что мне на почту ходить неохота. Я болею. У меня агорафобия, боязнь открытых пространств. Кстати, вы знаете, почему она так называется? Агора – это рыночная площадь. Вот у Карп Семеныча, у того наоборот – клаустрофобия, не может сидеть в квартире. Лестничную площадку ему подавай. Хотя она тоже имеет границы – стены, дверь...

Т а н я. Да что вы все время прощения просите? Не сержусь я. Говорят вам – отнесу. Кстати, Бубля, мы ведь теперь соседи. Мой адрес – квартира номер один.

Б у б л я. Не понимаю...

Т а н я. Я буду жить здесь! (*показывает на дверь*).

Б у б л я. Не может быть! У Карпа Семеныча?

Т а н я. Да. И буду шить на его машинке.

Б у б л я. Это он сам предложил?!

Т а н я. Конечно. И заказал мне костюм!

Б у б л я. Фантастика! Вы умеете шить?

Т а н я. Я умею все! И шить, и пороть, и любить...

Б у б л я. Потрясающе. А в гости позовете?

Т а н я. Ну, если вы напишите письмо... То есть, если просьба об аудиенции будет представлена в письменном виде, я хочу сказать.

Б у б л я. Конечно, пожалуйста, с превеликим удовольствием!

Таня и Бубля расходятся.

Второе действие

Таня сидит за швейной машинкой. Одета в темное платье начала века. Рядом бокал вина, пепельница, сигарета в мундштуке. Появляется Бубля с букетом цветов.

Б у б л я (*стоит, как вкопанный, на лице крайнее удивление*). Вы?!

Т а н я. Я! Не похожа?

Б у б л я. Не похожа.

Т а н я (*продолжает шить*). А у меня, знаете ли, праздник. День первой строчки. (*поднимает глаза*). Цветы вижу. А где письмо?

Б у б л я (*вынимает конверт*). Вот...

Т а н я (*как бы не слыша*). Господи, Зингер! На нем еще моя прабабка шила. Все! Я теперь как Олеша – ни дня без строчки! (*пьет вино*).

Б у б л я. Поздравляю от всей души. (*достает из кармана складной стаканчик*). Брудершафт?

Т а н я. Можно! (*наливает из своего бокала, они выпивают*).

Б у б л я. Потанцуем?

Т а н я. Вместо поцелуев? Оригинально!

Звучит музыка. Бубля и Таня танцуют.

Б у б л я. Скоро лето закончится, небо станет серым, лохматым, грязным, как моя собака.

Т а н я. У тебя есть собака?

Б у б л я. Нет. Пока нет. Но скоро будет. Очень хочу завести собаку.

Т а н я. Так в чем дело?

Б у б л я. Это ответственный шаг, я должен все взвесить, подумать – сколько придется гулять, чем кормить...

Т а н я. Ты не любишь гулять?

Б у б л я. Люблю. Один. А тут – вдвоем... И вообще – собака... Это ж не хомяк!

Т а н я (*надувает щеки*). Точно, не хомяк! (*смеется*).

Б у б л я. Вот именно!

Т а н я. И долго ты будешь взвешивать?

Б у б л я. Не знаю, как получится! Давай еще выпьем!

Т а н я. Давай! (*наливает вино*).

Б у б л я. Как легко с тобой! А тебе?

Т а н я. Мне... необычно... Ты такой странный. Все время пишешь письма. По два в день. Боишься оставить нас без премии!

Б у б л я. Это плохо?

Т а н я. Нет, это не плохо...

Б у б л я. Наверное, ты думаешь, что мне просто нечем заняться? Что я бездельник?

Т а н я. Вовсе я так не думаю.

Б у б л я. А хочешь, я буду писать тебе?

Т а н я. О чем?

Б у б л я. Не знаю – о чем угодно. О моде, о погоде... О жизни. Стихи.

Т а н я. Попробуй.

Б у б л я. Тебе, правда, интересно?

Т а н я. Ну, конечно. Как всякому нормальному человеку.

Б у б л я. Кстати, если хочешь – можешь не отвечать. Это не обязательно.

Т а н я. А если я хочу отвечать?

Б у б л я. Ну... отвечай, конечно. Но это не важно! Важно, что я пишу, а ты читаешь.

Т а н я. Но ведь тогда не будет диалога?

Б у б л я. Диалог будет. Внутренний.

Т а н я. А внешний?

Б у б л я. А внешний – это суета!

Т а н я. Не любишь суетиться?

Б у б л я. Не люблю. Я Екклесиаста люблю. «Сладок свет, и приятно для глаз видеть Солнце»... Люблю созерцать мир, думать... А ты?

Т а н я. А я люблю действовать! *(наливает вино, закуривает)*.

Б у б л я. Ой, Танечка, хватит, наверное...

Т а н я. Конечно, хватит! Хватит на всех!

Появляется Карп Семеныч с мокрым зонтом.

К а р п С е м е н ы ч. О, все в сборе! Полный ажур! Значит, будем чай пить! Сегодня я купил настоящий! *(ставит зонтик, идет заваривать чай)*.

Т а н я. Карп Семеныч, у меня для вас кое-что есть!

К а р п С е м е н ы ч. Да? Ну-ка...

Т а н я *(достает пиджак)*. Примерьте.

К а р п С е м е н ы ч *(одевает пиджак)*. Сшила? Когда ж ты успела? Надо же!

Т а н я *(критически)*. Да... Фигура у вас, в самом деле, нестандартная.

К а р п С е м е н ы ч. Рост человека, моя дорогая, измеряется не от пяток до макушки, а от головы до неба!

Т а н я. А я вас, Карп Семеныч, в данном случае, не как личность, а как модель рассматриваю.

К а р п С е м е н ы ч. Как манекен, что ли?

Б у б л я. А, по-моему, очень хорошо. Вам идет. И цвет, и фасон...

Т а н я. Вот, видите? Мнение независимой комиссии.

К а р п С е м е н ы ч. Конечно, независимой! Вы тут без меня уже двадцать раз все примерили, посмотрели, обсудили...

Б у б л я. Ничего подобного! Первый раз этот пиджак вижу!

Т а н я. Ладно, снимайте!

К а р п С е м е н ы ч. А может, пока не надо? Хочется как-то привыкнуть...

Т а н я. Пожалуйста! Только не вздумайте в нем спать! А то отберу.

К а р п С е м е н ы ч. Нет, что ты! Я не буду. *(разливает чай)*.

Т а н я. Ну, как там погода?

К а р п С е м е н ы ч. Да какая погода, Танечка! Дождина, как из ведра.

Б у б л я. А в Японии опять землетрясение...

К а р п С е м е н ы ч. А что нам Япония? У них каждую неделю трясет.

Т а н я. Расскажите, Карп Семеныч, нет ли чего нового?

К а р п С е м е н ы ч. Нет, Танюш. А чего нового?

Т а н я. Ну, не знаю... Скучно без телевизора. Да и книжек у вас нет...

К а р п С е м е н ы ч. А зачем книжки? Куда их? Пишут-то нынче скверно. Вот в наше время...

Т а н я. Ну, так пошли бы и купили, что «в ваше время»! Чехова, например.

К а р п С е м е н ы ч. Ну, ты, матушка, даешь! Чехов-то в девятьсот четвертом году помер уже!

Т а н я (*вздыхает*). Ну, давайте хоть в карты, что ли!

К а р п С е м е н ы ч. Это можно! (*достает колоду, тасует*).

Т а н я. А я завтра пирог испеку. Карп Семеныч на рынке черники купил. Приходи, Бубля, к нам на пирог! (*бьет его карту*).

Б у б л я. Благодарствую. А в котором часу?

Т а н я. В семь.

Б у б л я. В семь никак. Буду в половине восьмого.

К а р п С е м е н ы ч. К половине восьмого мы уже все съедим! (*бьет карту*).

Т а н я. Полно вам, Карп Семеныч! Вы пирогов-то моих не видали! Запугали человека! (*Бубле*). Не переживай, оставим тебе!

Б у б л я (*задумчиво*). Остатки – сладки... Всю жизнь мою за братом и сестрой доедаю. Привык...

К а р п С е м е н ы ч. Вот надену костюм новый – и в магазин!

Т а н я. Зачем в магазин?

К а р п С е м е н ы ч. А куда еще?!

Б у б л я. На той неделе выставка будет...

Т а н я. Какая выставка?

Б у б л я. Открытки начала века. Тебе, как почтовому работнику, хорошо бы взглянуть...

Т а н я. Конечно, хорошо! Пойдем непременно! И Карпа Семеныча возьмем. В новом костюме.

К а р п С е м е н ы ч. Не, я не пойду.

Т а н я. Почему?

К а р п С е м е н ы ч. А, видел сто раз. У нас целая гора этих открыток была. Не выкидывали, вот и скопилось. Я из них шторку соорудил.

Б у б л я. Какую шторку? Для ванной?

К а р п С е м е н ы ч. Декоративную. На скрепках. Танюш, там, в прихожей лежит. Принеси, пожалуйста.

Таня уходит, через минуту возвращается с пакетом. Бубля помогает развернуть шторку.

Т а н я. Ой, красота! А чего под столом? Давайте повесим!

К а р п С е м е н ы ч. Куда?

Т а н я. Надо подумать...

К а р п С е м е н ы ч. На дверь – не дам.

Т а н я. Но ведь смысл в том, чтобы в проеме висела! Она дверь загораживать не будет, вот увидите!

К а р п С е м е н ы ч. Не хочу я ничего видеть! Не дам и все!

Т а н я. Какой вы, право, несговорчивый!

К а р п С е м е н ы ч. Не дам!

Т а н я. Хорошо, тогда подарите ее мне!

К а р п С е м е н ы ч. Зачем?

Т а н я. На память.

К а р п С е м е н ы ч. Ой! На память! Да забирай на здоровье.

Таня сворачивает штору, убирает в пакет.

Б у б л я. Спасибо за чай. И варенье. Я пойду.

К а р п С е м е н ы ч. Пожалуйста!

Т а н я. Я тоже пойду. Спокойной ночи!

К а р п С е м е н ы ч. Ну, разом все! А со стола – я опять? Ладно, идите, бессовестные.

Уходят каждый к себе. Карп Семеныч собирает со стола, затем садится, склеивает пару конвертов, аккуратно снимает пиджак и ложится спать. Затемнение. Свет зажигается, и мы видим Таню в домашнем халате и бигудях. Она шьет. Карп Семеныч напряженно наблюдает.

К а р п С е м е н ы ч. Видел сегодня... случайно... барышня в окне стояла. Блондинка молодая в завитушках вся. Горничная ваша?

Т а н я. Где?

К а р п С е м е н ы ч. У тебя в комнате! Да, может, и привиделось! Сослепу-то чего не покажется... У меня зрение минус десять.

Т а н я. Тогда зачем вам дверь? Вы же ничего не видите!

К а р п С е м е н ы ч. А дверь я вижу, очень даже вижу! Ручку и вообще...

Т а н я. Детали! Витраж готический!

К а р п С е м е н ы ч. Если близко – вижу!

Входит Бубля.

Б у б л я. Доброе утро всем! Танечка, очень хочу сказать два слова. Выйдем на лестницу.

Т а н я. А мы где?

Б у б л я. Фу, ты! Забыл. Тогда на улицу.

К а р п С е м е н ы ч. Пойду воздухом подышу, чай куплю... (*уходит*).

Б у б л я. А ты сегодня не в платье?

Т а н я. Платье отдыхает. Просило не беспокоить.

Б у б л я. А другого нет?

Т а н я. Есть.

Б у б л я. Тогда одна маленькая просьба...

Т а н я. Смотря, какая.

Б у б л я. Надень, пожалуйста, то платье, которое есть.

Т а н я. Зачем?

Б у б л я. Очень надо!

Т а н я. Что-то произойдет?

Б у б л я. Да, обязательно произойдет!

Т а н я. Хорошо. (*уходит, возвращается в желтом платье*). Годится?

Б у б л я. Желтое платье?

Т а н я. А что, плохо мне, да?

Б у б л я. Нет, нет! Тебе идет. Просто я не люблю желтого... Но это не важно! Очень, очень хорошо. Отлично! Ты такая красивая! Кажется, первый раз я сказал об этом, хотя, думаю постоянно. Помнишь, как мы танцевали вчера? Я написал стихи. Может, мы еще потанцуем, и я тебе почитаю?

Т а н я (*язвительно*). Бубля, а ты Музе, обычно, где стелешь – на коврике? А ест она у тебя как – из кормушки?

Б у б л я. Ты смеешься надо мной?

Т а н я. Нисколько!

Б у б л я. Смеешься. Потешаешься...

Т а н я. Да нет же! Не обращай внимания! Это настроение у меня такое, игривое. Давай стихи. Мне никогда не читали стихов в танце... Вниз головой – было...

Б у б л я. Я не могу. Извини.

Т а н я. Почему?

Б у б л я. Ты несерьезно относишься.

Т а н я. Очень даже серьезно!

Б у б л я. Легкомысленно!

Т а н я. Все, все! Я больше не буду. Обещаю!

Б у б л я (*протягивает конверт*). Возьми!

Т а н я. Что это?

Б у б л я. Стихи. Прочти.

Т а н я. Но ведь ты говорил – в танце.

Б у б л я. А ты представь, что это танец...

Т а н я (*берет конверт, читает, танцует под музыку. Бубля восторженно наблюдает*). Выйдешь в ночь – заблудиться несложно, потому что на улице снежно, потому что за окнами вьюжно.

Я люблю тебя больше, чем можно,

я люблю тебя больше, чем нежно,

я люблю тебя больше, чем нужно.

Так люблю – и сгораю бездымно,

без печали, без горького слова.

Не надеясь, что это взаимно,

что само по себе и не ново.*

Такое ощущение, что я это уже слышала...

Б у б л я. Да. Потому что я всю жизнь пишу один стих. И не только я. Многие художники делают так же. Вуди Аллен, например, всю жизнь снимает один фильм. Кто-то пишет одну картину...

Т а н я. Но, Вуди Аллен, тем не менее, снял уже больше тридцати фильмов!

Б у б л я. Это внешние обстоятельства, а по внутреннему ощущению все намного сложнее. *(пауза)*. Или проще.

Т а н я. Ты странный.

Б у б л я. А еще какой?

Т а н я. Совсем странный.

Б у б л я. Ты повторила это сто пятьдесят раз. Хочется еще чего-то услышать.

Т а н я. Например?

Б у б л я. Например, что ты думаешь про нас?

Т а н я. Про кого?

Б у б л я. Про меня, про Карпа Семеныча...

Т а н я. Не знаю... Ну, вообще-то вы отличаетесь.

Б у б л я. Чем же?

Т а н я. Всем. Это, конечно, вопрос тонкий... Карп Семеныч – человек симпатичный, добрый, но ему нужна внешность, в смысле – то, что снаружи. Красивая дверь, или костюм на заказ. А ты...

Б у б л я. Не надо.

Т а н я. Почему?

Б у б л я. Боюсь.

Т а н я. Но я не собираюсь тебя обидеть. Я хотела сказать про внутреннее содержание, которое для тебя очень важно. Вот и все.

Входит Карп Семеныч. На нем мокрый плащ.

К а р п С е м е н ы ч. Зонтик забыл... Промок...

Т а н я. Вам нужен горячий чай!

Б у б л я. Да, хорошая идея, Карп Семеныч! Давайте пить чай!

Т а н я. Я быстро! *(накрывает на стол)*.

К а р п С е м е н ы ч *(снимает плащ, вытирает голову полотенцем)*. Ох, главное, не простудиться!

Т а н я. Не дадим! *(разливает чай)*. Малина, лимон, мед – и в постель.

К а р п С е м е н ы ч. Не, я днем не сплю.

Т а н я. И не надо! Просто полежите, и все.

К а р п С е м е н ы ч *(чихает)*. Надо же, все-таки, простудился!

Б у б л я. Ерунда, пройдет! Я в детстве в ледяной воде искупался, и ничего!

К а р п С е м е н ы ч. Провалились, что ли?

Б у б л я. Ага. Рыбу в пруду ловил.

К а р п С е м е н ы ч. Ну, так то в детстве! Да еще стресс от неожиданности. Вот и не заболели.

Т а н я. Я схожу в аптеку *(уходит)*.

Б у б л я. Спасибо, Карп Семеныч!

К а р п С е м е н ы ч *(чихает)*. За что?

Б у б л я. Вы ушли в дождь, а мы танцевали...

К а р п С е м е н ы ч. Пустяки! Надеюсь, все хорошо?

Б у б л я. Да. Но получается, что я изменяю своим чувствам?

К а р п С е м е н ы ч. Почему?

Б у б л я. Ведь я люблю Таню Гулитани, а пишу почтальонше. Зачем?
 К а р п С е м е н ы ч. Наверное, она ближе... Да и вообще... всегда хочется иметь то, чего нет. И редко – то, чем ты уже обладаешь.
 Б у б л я. И так – во всем?
 К а р п С е м е н ы ч. Конечно... *(чихает)*. Закон природы.
 Б у б л я. Но я пока что ничем не обладаю... Я только вспоминаю... *(пауза)*. Мы познакомились двадцать второго декабря... Вы знаете, что это за день?
 К а р п С е м е н ы ч. День вашего рождения. *(чихает.)* Вы говорили.
 Б у б л я. Нет, это день зимнего солнцестояния. Самая длинная ночь в году! Ах, Боже мой, что это была за ночь!
 К а р п С е м е н ы ч. А я сегодня в магазине кое-что присмотрел... Такой маленький дверной закрыватель верхнего расположения...
 Б у б л я. Я в этом ничего не понимаю, простите, Карп Семеныч...
 К а р п С е м е н ы ч. Ну, как же! Такие вещи знать надо! *(пауза)*. Бубля, вы одолжите мне пятьдесят шесть рублей семьдесят пять копеек? Я хочу купить.
 Б у б л я. Что купить?
 К а р п С е м е н ы ч. Ну, я же сказал – закрыватель!
 Б у б л я. Ах, да, конечно! *(достает из кармана шестьдесят рублей)*. Пожалуйста!
 К а р п С е м е н ы ч. Вот спасибо! Выручили! А я отдам, получу пенсию, и сразу отдам!
 Б у б л я. Не надо. Это за чай. Голова разболелась. К дождю, наверно. Пойду к себе. До свидания!
 К а р п С е м е н ы ч *(пересчитывая деньги)*. Да, да. Всего хорошего. Заходите!

Через минуту входит Таня. Она в другом платье. Карп Семеныч весьма удивлен.

К а р п С е м е н ы ч. А ты, разве, не в аптеке была?
 Т а н я. В аптеке. Вот... *(достает из сумки лекарство)*.
 К а р п С е м е н ы ч. А мне кажется, ты посещала Бутик. Платье новое! Да какое! И сумочка... Крокодил?
 Т а н я. Крокодил. Гена.
 К а р п С е м е н ы ч. Какой Гена?
 Т а н я. Я, Карп Семеныч, дома была.
 К а р п С е м е н ы ч. Как?! Ведь ты его бросила... Мужа, то есть.
 Т а н я. Бросила, не бросила... Не знаю я. Выходит, не бросила.
 К а р п С е м е н ы ч. А как же...
 Т а н я. Кто? Бубля?
 К а р п С е м е н ы ч. Прости, я не хочу влезать, это в конце концов не мое дело...
 Т а н я. Вы же видите, он любит Таню Гулитани. Девушку, которую видел раз в жизни. И вообще, есть ли она, эта Таня?
 К а р п С е м е н ы ч. Но это же ты!
 Т а н я. Я, не я... Запуталась я, Карп Семеныч!

К а р п С е м е н ы ч. Так поди и расскажи!

Т а н я. Рассказать что?

К а р п С е м е н ы ч. Что ты – это ты. В смысле, ты и Таня – одно лицо.

Т а н я (*капризно*). Я домой хочу!

К а р п С е м е н ы ч. Еще на год и одиннадцать месяцев?

Т а н я. Как получится...

К а р п С е м е н ы ч. А как же почта?

Т а н я. Ну, что делать – уволюсь.

К а р п С е м е н ы ч. А кто же заготовки носить будет? Опять эта, как ее, Должанская?

Т а н я. Не знаю.

К а р п С е м е н ы ч. А костюм?

Т а н я (*приносит сверток*). Это брюки. Пиджак на вас.

К а р п С е м е н ы ч. Ты просто устала, вот и все. Поди, приляг. Может, уснешь. А потом поговорим.

Таня уходит. Карп Семеныч допивает чай и тоже уходит. На улицу. Появляется Таня.

Т а н я. Карп Семеныч! Карп Семеныч! Вы дома?

Ходит по сцене, ищет Карпа Семеныча, потом садится за машинку, минуту сидит неподвижно. Затем берет письма, начинает сшивать. Входит Бубля.

Б у б л я. Господи, что ты делаешь?

Т а н я. Шью.

Б у б л я. Надеюсь, это не костюм для Карпа?

Т а н я. Я подумаю...

Б у б л я (*подходит ближе*). Да это же письма! Мои письма! Зачем ты это делаешь? Зачем ты их сшиваешь?!

Т а н я. Чтобы не потерялись!

В этот момент сильный порыв ветра начинает хлопать дверьми.

Б у б л я. Но для этого есть другие способы!

Т а н я. Я не знаю других способов! (*вскакивает*).

Б у б л я. Ты какая-то дерганая, нервная вся...

Т а н я. Я обыкновенная, обыкновенная!

Б у б л я. Хочешь, я согрею тебе чай?

Т а н я. Нет! Я хочу сказать тебе... Я уйду!

Б у б л я. Уходишь? Куда?

Т а н я. Домой. К мужу. В другую дверь. Туда, откуда пришла. Навсегда.

Б у б л я. У тебя есть муж?! Ты ничего не говорила. Давно? А, впрочем... Но ведь ты выбрала эту дверь! (*показывает на дверь*).

Т а н я. Я ничего не выбирала. Тем более, на всю жизнь. Я устала от чужих дверей. Двери, двери, бесконечные двери. А мы – твари, которые туда лезут. Мы – двари! *(двери продолжают хлопать)*.

Б у б л я. Двар – это дверь на санскрите, если не ошибаюсь...

Т а н я. Да. Ты очень умный. Но лучше с кем-нибудь другим. И тебе тоже. Каждой двари – по паре... По двойке... за урок.

Б у б л я. Таня, что случилось?! Что с тобой случилось?

Т а н я. Ничего. Вы помешались на дверях, а я – на окнах. Каждый день я их вижу, свои окна!

Б у б л я. Какие окна?

Т а н я. В доме напротив!

Б у б л я. Ты живешь в доме напротив?!

Т а н я. Разумеется! Я говорила, только ты не слышал меня, не слушал! Потому что ты всегда слышишь только себя!

Б у б л я. А в какой квартире?

Т а н я. В квартире номер пять!

Б у б л я. Значит, все это время я писал... *(пауза)*. И ты носила письма сама себе? Не уходи! Помнишь, ты говорила, что внутреннее содержание для меня важнее?

Т а н я. Да. Содержание твоего внутреннего я. Господи! Вокруг меня никого нет...

Б у б л я. Как нет? А я?

Т а н я. А ты вокруг себя! Ты даже собаку завести не можешь! Ты можешь только мечтать и строить планы! Копаться в себе и думать о том, что внутри, а не о том, что кругом!

Б у б л я. Поэтому ты возвращаешься к мужу?

Т а н я. Да.

Б у б л я. А письма? Мои письма?

Т а н я. Письма кому?

Б у б л я. Тебе.

Т а н я. Мне той, или этой? Письма почтальону, или жене казино?

Б у б л я. Тебе одной.

Т а н я. Я тебе не нужна. Тебе нужен идеал, воображаемая возлюбленная, чистая и недосыгаемая. Придуманная и сшитая по выкройке, как летнее платье. Женщина-праздник. Праздник, праздник, праздник! День открытых дверей!

Б у б л я. Ты ошибаешься...

Т а н я. Это ты ошибаешься! Я ухожу. Вернее, уезжаю. Мы уезжаем из города. Вот письмо, я принесла его в квартиру номер один тогда, давно...

Б у б л я. Это для Карпа Семеныча?

Т а н я. Да.

Б у б л я. Ты даже не попрощаешься с ним?

Т а н я. Нет.

Б у б л я. Но ведь он...

Т а н я. Нет. *(уходит)*.

Б у б л я. Это жестоко! (*кричит ей вслед*). Ведь когда-нибудь все кончится! Пойми, наконец! Наш дом, твой дом, я, ты, двери, потолок, стены – вообще ничто не будет иметь значения! Так для чего всё, скажи? (*садится, почти плачет*). Что же тогда останется? Мечты, развеянные в воздухе? (*смотрит на конверт*). Или собранные в письма? А если – не собранные, то куда они деваются? Может, их уносит бумажный змей? А, может, самое заказное из всех заказных писем? (*вертит письмо, потом, наконец, решает его вскрыть*). «Глубокоуважаемый Карп Семенович! Убедительная просьба: вернуть нашу дверь до конца квартала. Сотрудники музея». (*пауза*). Наверное, они уже забыли... Глупость какая! Это ж дверь, а не скатерть... (*поднимается по ступеням вверх*). Они ждут, надеются... Правда, непонятно, зачем. Ведь когда-нибудь все кончится. А они все равно хотят быть счастливыми со своей дверью. Но двери счастья открываются не внутрь, а изнутри. Поэтому их невозможно распахнуть ударом сапога... Все суета... Люди стремятся наполнить дом вещами, а душу – впечатлениями. Зачем? Ни двери, ни стены, ни потолок не будут иметь значения... Что же тогда останется? Мечты, слова? Или собранные в письма стихи? А если – не собранные, то куда они деваются? Может, их уносит бумажный змей? Или самое заказное из всех заказных писем?

Звучит музыка. Бубля на минуту исчезает в квартире, появляется с чемоданом. Помедлив, быстро сбегает вниз, ищет и находит оставленную Таней штору. Снова поднимается, снимает дверь, вешает штору. Уходит вместе с дверью.

Занавес

*Дмитрий Быков